

Клавдия Владимировна Лукашевич

Сиротская доля

Клавдия Владимировна Лукашевич

Сиротская доля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637715

Босоногая команда: Зерна; Рязань; 2005

Аннотация

«В просторной светлой столовой обедало более 60 девочек. Одеты в однообразные серые платья с белыми передниками и белыми пелеринами, они сидели тихо и чинно за двумя длинными столами; лишь по временам некоторые резвые шалуны перешептывались, толкали друг друга и втихомолку хихикали...»

Содержание

Флейта заиграла	4
Поступление в приют	11
Жизнь в приюте	19
Монах пришел	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Клавдия Владимировна
Лукашевич**
Сиротская доля
Продолжение повести
«Дядюшка-флейтист»

Флейта заиграла

В просторной светлой столовой обедало более 60 девочек. Одетые в однообразные серые платья с белыми передниками и белыми пелеринами, они сидели тихо и чинно за двумя длинными столами; лишь по временам некоторые резвые шалуньи перешептывались, толкали друг друга и втихомолку хихикали. Девочки были разных возрастов: совсем маленькие крошки с наивными детскими личиками, девочки-подростки и почти уже взрослые девушки.

Тут же, по краям столов, сидели две особы в темных платьях – должно быть, воспитательницы. Одна была молодая, с добрыми близорукими глазами, которые она постоянно щурила. Другая – была старушка, худощавая, седая, с холодным взглядом светлых, как бы стальных, глаз; держалась она

необыкновенно прямо и строго посматривала на девочек.

Было начало осени. В открытые окна столовой врвались теплые ласкающие лучи солнца и доносились уличные звуки: воробьи чирикали, кричали разносчики, трещали и громыхали проезжающие экипажи, телеги, слышались разговоры прохожих.

– Петрова, не мечтай, пожалуйста! Что ты все оборачиваешься?! Ешь скорее! – произнесла громко и отдельно, отчеканивая каждое слово, старушка-воспитательница.

Та, к которой относились эти слова, худенькая, маленькая девочка, с коротко остриженными волосами, торчащими ежом, с большими выразительными, точно удивленными, глазами, вспыхнула, как зарево, и привстала на окрик.

– Садись, ешь, как другие... О чем ты всегда мечтаешь?! Глаза устремила на небо, рот открыла... Этак у тебя ворона кусок изо рта унесет, – сказала старушка.

Воспитанницы рассмеялись звонко и весело, очень довольные возможностью посмеяться. Учительница живо успокоила их.

Петрова застенчиво улыбнулась, села снова на свое место и усердно принялась за еду.

– О чем ты вечно думаешь, Наташа Петрова? – шепотом спросила ее соседка, маленькая, курносая, полная девочка, с черными, точно коринки, глазами, с ямочками на пухлых щеках.

– Ни о чем... так... просто... Я даже совсем не думала... –

ответила Наташа.

– Смешная ты! Ни о чем не думать нельзя. Зоя Петровна говорила, что каждый человек всегда о чем-нибудь думает... Значит, ты не как все люди...

– Я смотрела в окно... Там птички чирикали, видно кусочек неба, такое синее-синее... Там хорошо, светло... Право, я ни о чем не думала... Не знаю, что и сказать.

– Ты «незнайка», Петрова. Не хитри... Я знаю, знаю, о чем ты всегда думаешь, – поддразнила шепотом подругу черноглазая девочка и при каждом слове улыбалась и делала уморительные гримасы.

Петрова посмотрела на нее удивленно и вопросительно и опять покраснела.

В это время на улице за окном раздались грустные, заунывные звуки флейты...

Как и что затем произошло, никто не мог никогда хорошенько вспомнить...

Вдруг раздался страшный крик и произошел невообразимый переполох.

– Ай-ай-ай! Флейта! Флейта! Дядя! Флейта! – слышался среди девочек громкий не то возглас, не то вопль... Вслед за ним другой, третий... Все повскакали с мест. Наташа Петрова бросилась к окну первая. За ней все девочки, попадали скамейки, ножи, ложки, вилки; кто-то опрокинул кружку с водой...

Лицо Петровой было багрово-красное, испуганное. Она

высунулась в окно и, казалось, не помнила себя.

Учительницы тоже бросились за девочками; они успокаивали их, брали за руки, тянули к столу, произносили угрозы, расспрашивали:

– Что случилось? Кто закричал первый? Почему Петрова побежала к окну? Как смели все повскакать с места? Садитесь, садитесь скорее! Все будете наказаны. Начальница идет!

Все с шумом бросились к оставленным местам. Водворились порядок и тишина.

Начальница, маленькая, еще не старая женщина, в синем платье и с черной кружевной косыночкой на голове, стояла в дверях соседней комнаты и испуганно, недоумевающе строго смотрела на всех.

– Что тут произошло?

Послышались отрывочные, робкие, бестолковые ответы.

– Мы испугались... Мы думали... Там на улице заиграла флейта.

– Ну что же такое, что заиграла флейта? Чего ж пугаться-то, кричать, производить беспорядок?

– Заиграла флейта... Наташа Петрова закричала... Мы испугались...

– Я ничего не понимаю. Надежда Ивановна, объясните, пожалуйста, – обратилась начальница к старушке.

– Я и сама не могу понять, Анна Федоровна, отчего они все переполошились, повскакали с мест, закричали. На ули-

це какой-то мальчишка заиграл на флейте. Кажется, закричала первая Наташа Петрова и бросилась к окну.

– Петрова, поди-ка сюда!

Виновница ужасного переполоха, взволновавшего весь приют, встала и бледная, как полотно, подошла к начальнице; она вся дрожала и крупные слезы скатывались по длинным ресницам.

– Скажи, пожалуйста, отчего ты закричала? Как ты смела вскочить из-за стола?

Девочка молчала.

– Отвечай мне! Как ты решилась на такую дикую выходку? Отчего ты вздумала вскочить? Ты перепугала всех и произвела страшный беспорядок.

Девочка начала всхлипывать.

– Петрова, отвечай сию минуту!

– Наташа, не упрямясь. Расскажи Анне Федоровне всю правду и попроси прощения, – проговорила молодая учительница, приблизившись к девочке.

– Там заиграла флейта... – едва слышно прошептала девочка.

– Я слышала это уже десять раз... Что ж из этого? Мало ли кто на улице может играть?! Это не резон, чтобы кричать, вскакивать из-за обеда и всех пугать...

– Я думала, я думала... Флейта заиграла... – девочка смешалась, закрыла лицо руками и горько заплакала.

– Что ты думала? Отчего ты закричала?

Петрова рыдала, не произнося ни слова.

– Отвечай, Наташа, нехорошо упрямиться. Скажи чисто-сердечно Анне Федоровне, что ты думала, – уговаривала девочку молодая учительница, ласково положив руку на ее плечо.

Но девочка плакала и не ответила больше ни слова.

– Ты будешь строго наказана, Петрова! Стой тут за столом, пока дети будут обедать, затем пообедаеть после одна и придешь ко мне в комнату для объяснений.

Начальница ушла.

Молодая учительница, удивленная непонятым упрямством девочки, укоризненно покачала головой и сказала:

– Понять не могу твоего поведения! Очень стыдно и нехорошо так вести себя, Петрова!

– Что сделалось с нашей «незнайкой», с нашей тихоней? Она, наверно, с ума сошла. Смотрите, какая она белая, точно мукой посыпана! Губы-то как у нее дрожат... Отчего она так закричала? Испугалась, что мальчишка на флейте заиграл. Какая она смешная! Вот-то глупая! – судили и рядили воспитанницы между собою, посматривая на Наташу, стоявшую около своего места.

А у наказанной девочки в это в время в стриженной головке проходили, как в панораме одна картина за другой. Неожиданно заигравшая во дворе флейта напомнила ей недавние лучшие дни ее короткой жизни и того, кто один любил ее, жалел и баловал. Эти дни промелькнули, как па-

дающая звездочка. Не забыть их Наташе, не забыть и дядю Колю, так хорошо игравшего на флейте. Где он? Почему забыл Наташу?! Может, умер под забором, как пророчила тетя Маша, может ходит и играет на флейте по дворам... Его все не любили, все смеялись над ним... Одна Наташа жале-ла, любила и помнит. Она затаила глубоко в памяти и в сердце эти воспоминания и никому не расскажет о них: другие ее не поймут и будут смеяться. Все всегда смеются над ним. Вот почему она так упорно молчала, когда ее спрашивали начальница и учительницы. И объяснения от нее никто не добился.

Поступление в приют

Шесть месяцев тому назад Наташу Петрову привела в приют тетка.

Маленькая стриженная девочка тихо озиралась большими испуганными глазами в незнакомом месте и хваталась дрожащими руками за платье своей спутницы. Как ни тяжело жилось ей в семье тетки, особенно последнее время, но там все было знакомо, там бывали и светлые дни, а здесь все чужое, неведомое, и как ей всегда говорили тетка и сестра, ее здесь порядком приструнят и воли не дадут.

– Тетя Маша, я домой хочу, – прерывающимся голосом прошептала Наташа, прижимаясь к тетке.

– Что, голубушка, боишься?.. Не умела ценить родных, не умела быть благодарной... Поживи-ка в чужих людях... Не раз вспомнишь наш дом... Увидишь и колотушки и обиды; не раз поплачешь, тогда вспомнишь, что тетя да Липочка доброму учили, – запугивала девочку расходившаяся женщина. Это была особа высокая, полная, с лоснящимся лицом, покрытым веснушками.

Наташа дрожала, как в лихорадке.

– Тетя Маша, возьмите меня домой, – шептала она, сквозь подступившие рыдания.

– Ничего, поживешь и здесь... Тебя давно пора прибрать к рукам, – пугнула ее еще раз тетка и стала униженно кла-

няться начальнице, которая вышла в приемную.

– Уж вы не оставьте ее своею милостью, госпожа начальница. Она сирота... Не я ее растила. Девочка баловная, ни к чему хорошему не приучена... С ней надо строгостью.

Начальница удивленно посмотрела на говорившую и, подойдя близко к Наташе, погладила ее по голове.

– Ты будешь умной и доброй – и мы станем любить тебя, – сказала она. – Не плачь, милая, тебя здесь никто не обидит. У нас много девочек, и они живут весело и счастливо...

– Эти девочки хороши в людях, а дома с ними сладу нет, – снова заговорила тетка. – Уж не знаю, как и Бога благодарить за то, что Он помог устроить ее в казенное место. Намучались мы с ней... Конечно, оно извинительно: росла без матери, совсем избаловалась.

Начальница снова перевела удивленные глаза с этой полной, энергичной женщины на хрупкую фигурку маленькой испуганной девочки, казавшейся такой забитой и покорной, и в голове ее мелькнуло: «Неужели эта женщина не могла исправить и хорошо повлиять на эту девочку, а эта крошка с большими умными глазами уже такой дурной, испорченный ребенок?!»

Наташа боязливо прислушивалась к словам тетки и в своем горе не понимала хорошенько их значения. Она вся дрожала и умоляющими глазами взглядывала на свою строгую спутницу.

Начальница старалась успокоить и ободрить маленькую

девочку. Она гладила ее по голове и говорила ласково:

– Не плачь, душечка, постарайся быть доброй и послушной, и тебе везде будет хорошо.

– Старайся всем угодить; держи твой острый язычок на привязи, да не говори вечно дерзости, как дома, – добавила от себя тетка.

Начальницу удивляла эта женщина: как будто она привела свою племянницу на суд, а не в училище. Другие, особенно матери и отцы, которые приводили в приют девочек, никогда не выставляли на вид их дурного характера, их недостатков, проступков; напротив, все старались наговорить о своих детях как можно больше хорошего; эта же, нисколько не жалела, не щадила ребенка.

– Будете ли вы брать к себе девочку по воскресеньям и праздникам? – спросила начальница.

Наташа вздрогнула, пододвинулась к тетке, охватила ее обеими руками и впилась глазами в ее суровое лицо: так много выразалось в этой немой мольбе.

Холодная женщина осталась непреклонна.

– Нет, нет! Мы люди бедные, занятые... Брать девочку – это такие хлопоты, такая обуза... Средств у нас нет... Мы так рады, что устроили ее в казенное место...

– А навещать ее кто-нибудь будет? Станете ли вы приходить к ней? У нас по воскресеньям от часу до трех дозволены свидания с родными... Можно и побаловать детей, принести булочек, гостинцев...

– Где уж нам приносить гостинцы!.. Пожалуй, навещать изредка будем...

Наташе хотелось заплакать, крикнуть, что дядя Коля непременно будет часто приходить к ней, будет приносить гостинцев – он обещал ей, – но спазмы сдавили горло девочке, и она не могла произнести ни слова.

Тетка ушла, равнодушно поцеловав племянницу и много раз повторила ей на прощанье приказание «вести себя хорошо, не дерзничать и держать язычок на привязи».

Наташа осталась одна-одинешенька, среди чужих людей; она точно застыла, замерла, больше не плакала и не говорила о своем горе.

Начальница взяла ее за руку, провела через две комнаты и открыла дверь. Девочку оглушил шум звонких голосов, крики и стукотня. При их появлении все смолкло и вошедших окружила толпа девочек разных возрастов.

Навстречу им поднялась старушка с худощавым строгим лицом. Она что-то вязала, сидя около длинного стола.

– Надежда Ивановна, вот вам новая воспитанница Наталья Петрова, – сказала начальница, – переоденьте ее в казенное платье. А вы дети, будьте с ней поласковее. Она маленькая и, конечно, ей тяжело.

Начальница ушла. Та, которую называли Надеждой Ивановной, углубилась в чтение какой-то книги; читая, она вязала, почти не глядя на работу.

– Возьмите девочку и познакомьтесь, – сказала она шум-

ливой толпе. – Тише, тише, дети. Не кричите так... Вы ведь не торговки на базаре... Как вам не стыдно!

Старушка снова углубилась в чтение.

– Новенькая! Новенькая! Какая смешная, пучеглазая... Стриженная, точно мальчик, – кричали девочки и теснились все ближе и ближе к Наташе.

– Как твоя фамилия, новенькая? – подскочила к Наташе маленькая, шустрая черноглазая девочка, с глубокими ямочками на полных румяных щеках.

– Не знаю... – тихо отвечала Наташа, поглядывая на шумную толпу исподлобья, как перепуганный, затравленный зверек.

– Девицы, она своей фамилии не знает... Ха, ха, ха! Она никто.

– А кто твои папа и мама? – приставали девочки.

– Не знаю... – еще тише отвечала Наташа.

– Она не знает, кто ее отец и мать. Слушайте, девицы! Вот-то смешная!

– Она, верно, глупенькая...

– Будем ее называть «Незнайкой»...

– Она похожа на сыча, девицы... Знаете, такая большеглазая сова...

– Ха, ха, ха! Правда, правда!

«Где ты, совушка, жила?

Где ты, вдовушка, была?

Я жила в леснице,
Во сыром леснице,
Во сыром дуплице»,

– пропел чей-то тоненький, пискливый голосок, и Наташу дернула за рукав рыжая косоглазая девочка.

Новенькая казалась совсем ошеломленной, потерянной. Она не плакала, но часто и порывисто дышала, вздрагивала и на темных густых ресницах блестели крупные слезы. Сердце ее усиленно стучало, ей бы хотелось убежать и скрыться от этой шумной толпы; ей казалось, что они все уже ее не любят, дразнят и хотят обидеть... Хотя кто-нибудь бы заступился на нее. Ей так страшно одной среди них... Если бы пришел дядя Коля. Он бы разогнал этих злых девчонок, увел бы Наташу и заступился бы...

– Не приставайте к новенькой, девицы, – послышался спокойный голос. Девочки обернулись; к Наташе подошла высокая, стройная девушка с длинной русой косой, одетая в такое же серое платье, в белый передник и пелерину, как и другие.

Девочки стали к ней ласкаться. Очевидно, это была старшая и любимица приюта.

– Посмотрите, как она перепугалась... Зачем вы ее дразните? Вспомните-ка – и сами были когда-то новенькими... Как тебя зовут, крошка? – ласково спросила молодая девушка, обняв девочку.

– Наташа, – послышался робкий, тихий ответ, и боль-

шие испуганные глаза новенькой встретились с ласковыми, участливыми другими глазами.

Наташа пододвинулась к обнявшей ее девушке, как бы прося ее защиты и помощи.

– Как зовут твоих папу и маму? – снова спросила девушка.

– У меня нет папы и мамы... Я их не помню...

Девушка еще крепче обняла Наташу.

– Видите ли, девицы, она сиротка. Не надо над нею смеяться. Сирот грешно обижать.

– Верочка, спросите у нее, где она жила, – обратилась рыженькая рябая девочка к старшей.

– С вами она говорит, а нам так не хотела отвечать... Все «не знаю, да не знаю», – сказал чей-то насмешливый голос.

– Вы ее напугали своими криками. У кого ты жила, Наташа?

– У тети Маши... У дяди Пети... У Липочки... Еще с нами жил дядя Коля, только его потом выгнали...

Девочки вдруг громко неудержимо расхохотались, а у Наташи больно защемило сердце.

– Ха, ха, ха.. Дядю Колю выгнали... Кто выгнал? За что выгнали? Верочка, спросите ее, за что выгнали дядю Колю? Хорош гусь, наверно, дядя Коля!

– Скажи, Наташа, за что выгнали твоего дядю Колю? – спросила старшая воспитанница.

Наташа взглянула на нее угрюмо и ничего не ответила и больше говорить не стала. Ей казалось, что кто-то грубо и

резко коснулся самого чувствительного, больного места в ее душе. Никогда ни слова больше не скажет она этим девочкам, никому не станет она рассказывать про дядю Колю... Они станут насмехаться над ним, как насмехались тетка и Липочка. Ее всегда обижало это; она в детском уме находила эти насмешки жестокими и несправедливыми. Ведь дядя Коля был тихий и добрый, «несчастный», как он сам говорил про себя. Он никому не сделал в жизни зла; правда, он пил водку. Это было очень дурно, но в последнее время он перестал пить: он обещал Наташе и дяде Пете... Он поступил в монастырь, говорил, что не пьет и работает... Он жалел всех, всем старался угодить и горячо любил маленькую Наташу.

Наташа стояла понуря голову и воспоминания о прошедшей жизни вереницей проносились перед ней... Старшая воспитанница давно уже ушла; другие девочки тоже разбрелись – только человека три-четыре еще хихикали около новенькой. «Какая она тихоня! Ишь, как она смотрит сердито, – сказала бледная блондинка. Знаете, девицы, за что выгнали дядю Колю? Я вам скажу на ушко». Она стала шептать подругам что-то на ухо. Девочки громко смеялись.

– Новенькая, иди-ка переодевайся! – раздался около Наташи голос старушки учительницы.

Девочка переделалась в казенную форму и стала воспитанницей приюта.

Жизнь в приюте

Для Наташи Петровой наступила новая жизнь. Тихая, боязливая, неразговорчивая девочка не могла понравиться новым подругам. В учебных заведениях любят тех, кто бесшабашно весел, смел, кто хорошо учится и помогает другим или кто может чем-нибудь поделиться, угостить...

К Петровой никто не приходил, у нее ничего не было. Подруги сначала допытывались у Наташи:

– Что же, Наташа Петрова, к тебе никто не приходит по воскресеньям?

– Не знаю.

– А будут ли к тебе приходиться?

– Да...

– А гостинцы тебе приносить будут?

– Не знаю...

– Кто же к тебе будет приходиться?

– Дядя... Тетя... Еще другой дядя...

– Они богатые?

– Да... Впрочем нет... Не знаю...

– Смешная ты... Не знаешь, богатые ли у тебя дядя и тетя... У них денег много?

– Нет, не очень много... Часто и совсем не бывает.

– Что же они не идут?

– Не знаю...

– Наверно, они тебя не любят?

– Не знаю!

– Ну, Петрова... От тебя ничего не вытянешь... Все «не знаю, да не знаю»... В самом деле ты «Незнайка». Скучно с тобой.

Между тем шло воскресенье за воскресеньем, а к Наташе никто не приходил. Первое время она все ждала... ждала мучительно и тревожно, Как ждут обещанного дети. Бывало, в воскресенье сидит она в уголке, тихая, задумчивая, и глаз не спускает с дверей приемной, в которую входят родные. При каждом движении ручки ей кажется, что откроется дверь и войдут дядя Петя, тетя Маша, Липочка... Или вдруг появится милый, дорогой человек, которого так нетерпеливо ждет и ждет Наташа.

Она долгие часы смотрит на дверь, вся дрожит, вся замирает, и ее сердечко готово выпрыгнуть... Если бы пришел кто-нибудь родной, как бы обрадовалась девочка... бросилась бы навстречу, обняла бы и крепко поцеловала, поведала бы все, что пережила она, о чем ей хочется знать, и облегчила бы маленькую душу.

Но время шло, и к Наташе никто не приходил. Сначала она не теряла надежды и горько плакала по ночам после обманутых ожиданий. А потом и ждать перестала. Сидит в уголке как в воду опущенная и с завистью посматривает на других. Вон маленькую толстушку Аню Ястребову как нежно ласкает мать: то голову поцелует, то щечку, то к себе при-

жмет, дает ей что-то, опять целует, Аня смеется – такая веселая, счастливая – что-то шепчет, обняв мать за шею... Вон к двум сестрам, Любе и Наде Андреевым, пришел их дедушка-швейцар. Он всегда приносит им то священную книжку, то по прянику, то булку и читает длинные нравоучения, как они должны вести себя. Несмотря на нравоучения, девочки очень любят дедушку и с нетерпением ждут его.

Любимица всего приюта, Верочка Тимофеева, хотя и круглая сирота, но тоже с радостью ожидает воскресенья: или ее берут к себе знакомые, или к ней приходят какие-то подруги и приносят гостинцы.

Ко всем приходят, всех любят, всех балуют, ласкают, – немного таких, как Наташа. Она совсем одна, покинута, забыта, никому не дорога, не нужна. Такое одиночество делает детей угрюмыми или озлобленными, сосредоточенными в своем горе.

Наташа замкнулась, как улитка в раковину. Она ни с кем не разговаривала, никогда от души не смеялась и даже редко улыбалась. Маленькая стриженная головка девочки привыкла думать; большие удивленные зоркие глаза привыкли все видеть, все наблюдать. Как бывало прежде в доме тетки, так и теперь здесь, Наташа забивалась куда-нибудь в уголок, в уединение и наблюдала и обо всем рассуждала сама с собой. Она никому не сообщала своих наблюдений, потому что привыкла молчать и таить все в себе.

Соня Малкова и Дуня Григорьева перед воскресеньем

всегда так нежно целуют Анну Мухину, и платье казенное ей зашивают, и постель стелют, – это чтобы она им побольше дала... Когда Аня Мухина развязывает свой узелок с гостинцами, то Дуня Григорьева жуёт ртом, ее бледное круглое лицо становится красным, глаза прыгают, и она ласкается, как кошка, к Аняте... Она больше всего любит гостинцы, любит поесть... За обедом у всех выпрашивает лишнюю порцию; за гостинцы все готова отдать: книгу, ленточку, тетрадь, свои карандаши, перья, бумагу выменивает на пастилку или леденец. Ей бы всегда что-нибудь жевать... За то она такая полная, точно налитая, неповоротливая и ленивая. Соня Малкова, рыжая, косоглазая девочка, очень хитрая; старается свою вину свалить на других, очень часто лжет, обманывает, и за нее подруг наказывают. Аня Мухина любит всем приказывать, всегда важничает, перед всеми хвастается. Лучше всех Верочка... Она ко всем одинакова добра и ласкова, всем готова помочь. И какая она хорошенькая, какая у нее чудная коса. Так разбирала втихомолку, про себя, своих новых подруг Наташа Петрова. К ней все относились равнодушно, холодно, чаще всего подсмеивались над ней, называли ее «Сычом, Тихоней, Незнайкой». С ней было скучно. Бедность, одиночество, застенчивость – очень часто отталкивают людей, а блеску, красоте и богатству – поклоняются.

В приюте все очень льнули к Аняте Мухиной. Шаловливая, изящная брюнетка, с живыми серыми глазками, с яр-

ким румянцем, – эта двенадцатилетняя девочка была чем-то вроде кумира своих подруг. Мать ее служила экономкой у какой-то важной графини и очень баловала свою дочку. Она часто брала к себе девочку, носила ей массу лакомств, ленточек, конфет; приносила зимой букеты живых цветов и дорогие бонбоньерки. Рассказы Анюты волновали весь приют, как волшебная сказка.

– Ах, девицы, какие комнаты у нашей графини!.. И рассказать-то невозможно... Такие все прелести... Вы и представить себе не можете... Зала белая с золотом. Мебель атласная, зеркала огромные, на потолке разные картины нарисованы... Знаете, летят ангельчики и держат гирлянды цветов... Одна гостиная у нас китайская, и потолок сделан, как небо, и звездочки и луна сделаны, как настоящие... А на столах слоны и львы, разные китайские звери и люди и диковинная китайская мебель, вся расшитая разноцветными шелками... Другая гостиная помпадур... Это, знаете, все так пышно, пышно и мебель с розовыми цветами. А спальня у нашей графини вся зеленая, и стены шелковые, и кровать под балдахином, а на полу подушки лежат, куда графиня свои ноги ставит, и такие зеркала, что можно себя со всех сторон увидеть.

Полураскрыв свои рты, слушали девочки Анюту. Они все завидовали ей и считали ее, ходившую по этим роскошным комнатам, каким-то высшим существом. Девочка рассказывала подругам, что графиня ест всегда на золоте и на сереб-

ре, что каждая чайная чашка у нее стоит двести рублей. Она рассказывала им о балах графини, как играет там музыка, как танцуют военные все в золоте и барыни все в бриллиантах и шампанское разносят во льдинах; сколько огней горит, какие наряды у барынь, а маленький брат Анюты, вымазанный и одетый арабом, в золотой тачке развозил букеты цветов... И дамы берут эти букеты и дают брату конфет.

– Счастливая ты, Анюта, все это видела своими глазами... Ах, хоть бы разок в щелочку взглянуть, – завидовали подружки.

– Вот где угощение-то... Попробовать бы... Я бы все, что у меня есть, отдала, только бы меня хоть разок на балу попотчевали, – говорила Дуня Григорьева.

– А я бы согласилась хоть поломойкой быть у графини, лишь бы все это видеть... – возражала Соня Малкова.

– А я бы полжизни своей отдала, чтобы только меня графиней сделали, – замечала Надя Андреева.

– И я бы тоже, – вторила ей сестра Люба.

– Хоть бы годик так пожить... Эх, не всем дается такое счастье, – с грустью вторила ей сестра.

– Когда я кончу приют, то поступлю к графине камер-юнгферой. Я буду у нее жить в отдельной комнате буду ее одевать и причесывать, и у меня будет своя горничная. Графиня сама мне сказала, – хвасталась Анюта.

– Счастливая ты, Анюта! Вот какая жизнь хорошая тебя ждет. Заживешь ты барыней и нас всех забудешь, хором го-

ворили девочки, завистливыми глазами посматривая на самодовольно улыбающуюся подругу.

– Нет, я вас не забуду. Вы ко мне приходите и, может, еще я вам покажу, как живет графиня, – обещала Аня.

Однажды, во время такого разговора, присутствовала Верочка. Она слушала Аню и своих молоденьких сотоварок насмешливо, наконец рассмеялась и проговорила, покачивая сомнительно головой:

– Ничего-то вы, девицы, не понимаете... Ничего не видели дальше своего приюта. Как будто все графини счастливые! Как будто всем у графинь жить хорошо?! Моя бабушка всегда говорила, что «через золото чаще всего слезы льются... Счастлив тот, кто молод, здоров, да у кого хлеб есть...»

Девочки были недовольны словами своей любимицы и стали громко возражать.

– Нет, Верочка, хорошо быть графиней... Что вы не говорите, а лестно на золоте да на серебре есть, на шелку спать, да на балах веселиться... Жить в богатстве это что ни на есть самое большое счастье... Все-то тебя любят, хвалят... Что хочешь, то и сделаешь.

Из темного уголка комнаты на Верочку смотрели восхищенные детские глаза, на которые никто не обращал внимания. Наташу Петрову никто не замечал, а она радостно кивала стриженной головой. Да, она думала точно так же, как и Верочка. Для ее счастья не надо ни золота, ни серебра, ни богатых палат, ни дорогих кушаньев... Она ничего этого не

хочет и графией быть не хочет. Если бы возможно было ей перелететь в маленькую тесную кухню. Прислонив ноты к кастрюльке и пригнув голову, чтобы смотреть в ноты, ее милый дядя Коля заиграл бы на флейте... Наташа стала бы петь «Среди долины ровные»... Потом бы они посмеялись, поговорили бы по душе... Или вдруг в следующее воскресенье к ней пришел бы дядя Коля. О, какое бы это было огромное счастье для девочки! Как мало надо иному для счастья... И даже это немного не дается.

Так шла жизнь в приюте.

Подошло Рождество. Большая часть девочек разъехалась по домам. В приюте была сделана елка. Наташа видела ее в первый раз. Елка поразила девочку, но не обрадовала. Все воспитанницы получили гостинцы и книжки. Наташе приятно было получить подарок, но ей хотелось бы с кем-нибудь поделиться своей радостью, показать кому-нибудь... Среди девочек у нее подруг не было, и никто ею не интересовался. После елки девочке стало еще грустнее, а когда она легла спать, то долго и неутешно плакала.

В эту ночь она видела во сне, будто она сидит в маленькой кухне, на столе горит лампа, а около стола на табурете сидит дядя Коля и играет на флейте, а Наташа поет какую-то новую песню. Так им хорошо, весело... Вдруг дверь с шумом отворилась и на пороге показались тетя Маша и Липочка и еще какие-то неведомые страшные люди. Они вырвали у дяди Коли флейту и оторвали ему голову.

Наташа громко закричала и проснулась. Она вся дрожала и всхлипывала, вся ее голова была в поту, грудь давило; ей было очень тяжело и страшно.

– Петрова, Петрова, успокойся! Проснись! Что ты так кричишь? Что с тобой?

В полумраке спальни, около постели девочки стояла испуганная молодая учительница, Зоя Петровна, и трясла ее за плечи.

– Ты, наверно, неловко лежала, Наташа Петрова! Повернись на бок!

Девочка всхлипывая, перевернулась.

– Скажи, Наташа, ты видела дурной сон? Как ты страшно закричала.

– Да.

– Что же ты видела?

– Дяде Коле голову оторвали.

– Ну, успокойся и спи... Это пустяки. Перекрестись и скажи: Господи, в руки Твои передаю дух мой! Тогда наверно скоро и спокойно заснешь.

Этот ужасный сон поднял целый рой воспоминаний в душе маленькой девочки. Она опять мучительно затосковала о дяде Коле, вообще о близкой родной душе, о ласке и участии, которых ей не доставало. Мучительно тяжело живет ребенок без нежной ласки, как цветочку без красного солнышка.

Лежа с закрытыми глазами на постели, Наташа мечтала:

«А вдруг, в это воскресенье придет дядя Коля или, может быть, дядя Петя. Он принесет ей, наверно, леденцов, пастилы, булок, денег. Она непременно поделится с подругами и Дуня Григорьева будет ее любить. На деньги она купит себе тетрадку и попросит написать стихи, как у Верочки Тимофеевой. Она ей показывала свой альбом со стихами. И какие там хорошие стихи. Например:

„Кто любит более тебя
Пусть пишет далее меня“.

А дальше-то написать и нельзя... Вдруг придут тетя Маша и Липочка... Вдруг она, Наташа, вырастет. Она непременно попросится жить к той графине, про которую рассказывает Аня Мухина. И дядю Колю возьмет с собой... Он будет у графини музыкантом или швейцаром, как дедушка Андреевых...»

Но действительность, однообразная и унылая, сменяла эти детские грезы.

Прошло уже шесть месяцев, а никто не приходил к Наташе. Написать, разузнать о своих родных – она не умела и ей в голову не приходило. Она только одиноко тосковала, худела и бледнела.

За последнее время произошел случай с флейтой, который переполошил весь приют. От девочки ничего не узнали, и она была наказана за произведенный беспорядок. Как

вдруг случилось нечто неожиданное.

Монах пришел

В одно из воскресений, во время приема родных, Наташа сидела в столовой, углубившись в чтение. Подперев голову рукой, она водила пальцем по странице и что-то про себя шептала. Кругом нее жужжали, как пчелы в улье, девочки, веселые и радостные, нетерпеливо ожидавшие родных.

– Наташа Петрова, к тебе какой-то монах пришел, раздался чей-то громкий голос.

Девочка вскочила, вся изменилась в лице, прижала руки к груди и дрожащими побледневшими губами повторила:

– Монах?

– Ну да. Чего ты осовела?

– Нет... Вы шутите...

– Какая ты несносная, Петрова! Говорят тебе, пришел монах. Еще не верит... Там, в приемной... Иди ж скорее!

– Правда?! – выкрикнула Наташа и как будто захлебнулась – не то от слез, не то от смеха.

Ее лицо вспыхнуло, как зарево, большие глаза заблестели, и плача и смеясь, ничего не видя, не сознавая от безумной радости, бросилась она в приемную. Все кругом казалось ей в тумане: она не видела ни подруг, ни воскресных гостей... Вдали, около двери, мелькнул ей милый, дорогой образ. Робкий, сконфуженный стоял около двери монах, голова у него была набок, одежда плохая. Он застенчиво переминался с

ноги на ногу и не решался сесть.

Всхлипывая, как-то странно качая головой, прижав руки к груди, промчалась Наташа через всю приемную и, зарыдав, бросилась на шею монаху.

– Не приходили... долго... Я все ждала... – только и вырывалось из настрадавшейся груди.

От волнения они не могли говорить и стояли обнявшись. Наташа плакала и по лицу монаха тоже текли слезы.

Все с удивлением смотрели на эту сцену. Девочки смеялись. Конечно, смешон был этот кривой, некрасивый монах, такой несчастный, растерянный, и маленькая стриженная девочка, плакавшая на его груди.

К ним подошла молодая учительница и сказала:

– Садитесь, пожалуйста... Вот здесь. Петрова, успокойся и перестань плакать.

– Успокойся, Наташечка! Не плачь, милая... Это от радости, барышня... Я ей довожусь дядей... Давно не виделись... Она очень обрадовалась, – униженно раскланиваясь перед учительницей, говорил монах.

– Садитесь, пожалуйста... Очень приятно познакомиться. Петрова, дай же стул твоему дяде и вытри слезы. Надо смеяться от радости, а не плакать, – говорила Зоя Петровна.

Они сели рядом. Наташа крепко держала дядю за руку.

– Наташечка, милая, как ты тут живешь?

Ласковый, родной голос заставил сладко забиться маленькое сердечко. Большие глаза с укором, но и с беспредельным

счастьем взглянули на монаха.

– Я был долго болен, Наташечка... Да и написать не мог.

– Я ничего не знала... Все думала о вас...

– Добренькая ты девочка... А тетя к тебе приходила?

– Нет.

– А дядя Петя?

– Никто не приходил...

– Вот какой Петенька, обещал...

– Наташечка, милая, ты очень скучала?

Девочка ничего не ответила, а только глубоко вздохнула.

– Кто старое помянет, тому глаз вон... Теперь я здоров и буду часто приходить к тебе.

Наташа ожила, улыбнулась, глаза ее блестели, как звезды.

Щеки разгорелись.

– Где же вы были так долго, дядя Коля? – весело, прерывающимся голосом спросила она.

– Я лежал в больнице, Наташечка.

– А я-то все ждала, ждала... Где же вы теперь живете?

– Живу опять в монастыре и работаю.

– А вы не... не? – девочка смешалась и сконфузилась.

Сконфузился и монах и опустил голову.

– Я знаю, Наташечка, что ты хочешь спросить... Был грех один раз... Совестно... Больше пить не стану. Я очень по тебе тосковал. Придти было не в чем: пальто рваное и худое... Простудился, заболел... Думал, в вине забуду свое горе.

– Не пейте, дядя Коля, водку! Не пейте, миленький! Вы

тогда нехороший... Уж я не знаю, как и просить вас! Это ничего, что у вас пальто рваное. Мне ничего не надо, только вы приходите. Мне здесь хорошо! Если вы не будете пить, я всегда буду веселая и буду всегда ждать воскресенья.

– Не буду, Наташечка, ведь я сам знаю, какая эта водка гадость. Пьяный и на человека-то не похож... Обещал тебе и не сдержал слова... Совестно!

– Как я рада, что вы пришли... Я очень скучала о вас, о дяде Пете, о тете Маше, о Липочке... Вы сходите к ним и скажите, чтобы они непременно пришли ко мне.... А то я все одна и одна.... У девочек всегда по воскресеньям родные бывают...

Не узнать было в этой веселой, разговорчивой девочке вечно скучающей, молчаливой Наташи Петровой.

Какое счастье, когда возможно высказать все, что думаешь, излить душу перед человеком, которого любишь, который внимательно, участливо слушает каждое слово, для которого интересна каждая мелочь вашей жизни, который рад всем сердцем помочь, утешить, защитить, и для которого, вы знаете, что милы и дороги.

Наташа торопилась все выпросить и все рассказать.

– Как живут дядя Петя, тетя Маша, Липочка?

– Не знаю, Наташечка. Я у них не был. Петенька два раза приходил ко мне в больницу. Обещал тебя навестить. Да, верно, нельзя.... У него, сама знаешь, много работы.

– Вы сходите к ним, дядя Коля. Скажите, что я о них ску-

чаю. Пусть придут ко мне. Как вы думаете, тетя Маша не рассердится? Она ведь и меня и вас не любила... Говорила, что мы дармоеды, милые родственнички, сели на шею...

– Не стоит, Наташечка, про то вспоминать... Все-таки она нас с тобой держала и кормила... Я схожу к ним. Может и не рассердится.

– Дядя Коля, я всегда думала про вас и по ночам плакала... Тут раз во дворе флейта заиграла. Я как закричу, как брошусь к окну: думала, что это вы... И испугалась и обрадовалась. Играл какой-то мальчишка. Все девочки вскочили, закричали, столы попадали.

Девочка рассмеялась. Монах тоже засмеялся, глядя на нее.

– Уморительная ты, Наташечка!.. Зачем же я пойду играть по дворам. Ведь это нехорошо, совестно. Ведь, положим, мы нищие, но все-таки из хорошей семьи. А по дворам ходят, видишь ли, милая, положим, тоже хорошие люди, только которым совсем не стыдно... А мне было бы стыдно... Кажется, лучше бы умер с голоду, а не пошел бы играть по дворам.

Девочка серьезно кивнула головой.

– Да, дядя Коля... Я ведь это понимаю. Оттого я и не хотела сказать, что я подумала на вас. Мне тоже было совестно. Меня ведь наказали за то, что я не сказала, отчего я так закричала.

– Как же это, Наташечка, наказали? Уж лучше бы сказала все откровенно, – огорчился дядя.

– Нет, нет. Я ведь знаю. Все станут смеяться над вами.

– Пусть смеются, Наташечка, лишь бы тебя не наказывали.

– Я не хочу, чтобы над вами смеялись. Знаете, дядя Коля,

когда над вами смеются, мне становится больно тут и тут.

Девочка указала на голову и на грудь.

– Добренькая ты моя! И чем только заслужил я любовь твою? Я – гадкий, слабый, несчастный старик... Прости меня, Наташечка, милая!

– Вы лучше всех людей не свете! Такого незлого, хорошего больше нет на свете, – шепотом проговорила Наташа, и погладила руку дяди. – Вы не знаете, дядя Коля, какие есть злые девочки. Вот у нас в приюте Соня Малкова всех обижает, над всеми смеется, хитрит, обманывает...

– Ты не дружись с такими, Наташечка, не бери с них примера. Будь со всеми добра и держи себя в сторонке.

– Я ни с кем не дружусь. Меня девочки не любят.

– Не любят? Быть не может! Это что же, Наташечка, милая?

– За то, что я скучная, за то, что я «Сыч» и «Незнайка», и за то, что у меня нет гостинцев.

– Что же это значит «Сыч» и «Незнайка?»

– У меня, дядя Коля, глаза такие, как у сыча. Все девочки это говорят.

– Какие пустяки! У тебя хорошие, умные глазки. А у сыча глаза круглые и глупые...

– А «Незнайка» я оттого, что всегда говорю «не знаю».

– Ты не говори так, Наташечка, тебя и не станут дразнить.

– Хорошо. Теперь я не буду говорить.

– Чего бы не сделала теперь счастливая маленькая девочка!

– Я буду часто приходить к тебе и буду приносить тебе гостинцев. Наверно, тогда тебя тоже будут любить? – спросил монах, погладив по голове девочку.

– Да, конечно, дядя Коля! Лучше всего вы принесите халвы. У нас все девочки ужасно любят халву.

– Принесу, принесу непременно. Сегодня я тебе только булочку принес сладенькую. Мягкая, хорошая булочка.

– Знаете, дядя Коля, если вы в будущее воскресенье принесете мне халвы, то после приема я пойду в нашу спальню и, когда буду разворачивать свой пакет, все девочки будут смотреть на меня, Дуня Григорьева будет целовать меня... я всем дам понемножку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.